

Татьяна СТЕПАНОВА

г. Петрозаводск

«Наше дело правое, мы победили».

— Ты помнишь войну? — как-то спросили меня, когда я стала вспоминать некоторые эпизоды из военного прошлого. Как я могу помнить, если я родилась через два года после ее окончания? Но я помню своего отца, его рассказы и послевоенное время.

Себя я помню с 3-летнего возраста. Не могу дать определение детству, счастливым оно было или нет? Скорее всего, оно было взрослым. Мы с родителями переезжали с одного места жительства на другое. Мне, конечно, нравилось ехать в поезде, сидеть в вагоне за столиком и смотреть в окно.

По вагонам в те годы ходили инвалиды и просили милостыню, некоторые пели песни или играли на гармошке. Под видом

инвалидов промышляли воров. Пассажиры иногда отворачивались: помочь каждому было нельзя, люди сами находились в тяжелом положении. Некоторые побирались изо дня в день, вызывая не жалость, а раздражение. Это продолжалось не один год, потом вышел документ, запрещающий ходить по вагонам и просить деньги.

Помню разрушенные войной дома без крыш и окон, упавшие стены, воронки от бомб на не заросших еще полях и землянки, где жили люди. Такими мне запомнились Смоленская, Брянская, Орловская области.

Когда мы с мамой заходили к знакомым в землянку, то туда надо было спускаться по скользким земляным ступенькам. В самой землянке — по-

лумрак (крошечные окна высоко), сырость и холод. Люди знали, что эти трудности надо пережить. Главное, говорили они, «лишь бы не было войны». Долго в землянке находиться было тяжело, и, немного погодя, я тянула маму на улицу. Я боялась землянок. У нас тоже не имелось своего дома или квартиры, родители снимали комнату, как говорили, «у хозяев». Но у нас было светло, вечером зажигали керосиновую лампу, а хозяева имели на окна вырезанные из газеты шторы, как в детстве вырезают снежинки. В нашей комнате таких штор не было: мама была противницей безвкусицы, она до войны училась в Москве и любила театры, картинные галереи, музеи, кино. Мама старалась развивать

детей, дать им достойное образование и воспитание.

В послевоенное время особенно тяжело пришлось тем, кто пережил войну, кто был на фронте, в плену, работал в тылу. Не хватало жилья, с едой напряженно, одежда – только самая необходимая, а лекарства – вообще дефицит.

Помню, мамина знакомая, плача и закрывая лицо руками, рассказывала, как она всю войну берегла своего маленького сыночка, носила на руках, прятала его под своим пальто. Сколько вытерпела, пережила бомбежки, а в конце войны он погиб от разорвавшегося снаряда.

Начало пятидесятых годов. Вокзалы, рынки заполнены людьми. Мне тогда казалось, что все куда-то едут. Очень много было покалеченных войной: безногих, безруких. Многие на костылях, сделанных «своими руками», некоторые туловищем стояли на деревянных подставках, а брусом отталкивались от земли, чтобы двигаться. У всех на груди блестели военные награды, попадались иногда и моряки в бескозырках и тельняшках. Мне было страшно смотреть на них, но, как все страшное и красивое, это притягивало. Мама не разрешала стоять возле таких людей, отводила в сторону.

Во всех людных местах было шумно: ругались, смеялись, плакали, спорили. Тут же торговали всякой мелочевкой типа лаврового листа и специй. Воры и разного рода жулики промышляли возле зазевавшихся граждан. Но жизнь продолжалась.

Знакомясь, мужчины обычно спрашивали:

– Откуда сам будешь? На каком фронте воевал? Где войну кончил? Куда едешь? Дома есть кто-нибудь?

Великая война закончилась победой. Люди были уверены, что

больше такое не должно повториться. О Сталине по радио говорили как о вожде. Часто звучали слова: «За Сталина! За Родину!»

На вокзалах в залах ожидания стены были увешаны портретами членов Политбюро. В детстве я побывала на многих вокзалах и выучила пофамильно всё Политбюро, чем удивляла пассажиров, вызывая у них улыбку. Помню большую картину на одном из вокзалов, где был изображен парад в Москве и на мавзолее Сталин. Он был одет в военную форму, фуражку, а на руках держал девочку. Мама сказала, что это его дочь – Светлана. Не знаю, кто был художник картины и дочь ли Сталина была изображена. Девочка, одетая в красивое платье, сидела на руках вождя. Я тогда подумала, что это, наверное, самая лучшая девочка в мире и самая счастливая.

Фронтовики с уважением говорили о маршале Жукове, о Рокоссовском, Еременко и других. Командующими фронтами, под чьим руководством они воевали, гордились, вкладывая в эти имена понятия Родины и Победы. В газетах и по радио говорили, что «для наших детей наступит светлое будущее» и ради этого стоит трудиться, растить детей, жить.

Люди устали, хотелось радости, праздника, счастья. Патефон был очень популярным и модным в то время. У моих родителей не было денег, поэтому купили патефон только через несколько лет. Сколько же было радости, когда играл патефон! Мне очень нравилось вставлять иголку в головку патефона, крутить ручку, ставить аккуратно иголку на пластинку, чтобы слушать чудную музыку. Помню, как крутились пластинки с песнями «Яблочко», «Барыня», «Ой, цветет калина», «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?».

Отец чудесно плясал, прямо летал по воздуху. Мама только отбивала чечетку, но пела, как настоящая артистка. На работу и после работы люди шли под задорные мелодии, в кино особой популярностью пользовались комедии.

В первые послевоенные годы умерло много военных, вернувшихся с фронта с ранениями, в семьях было бедно, полуголодно, завидовали тем, у кого были в доме мужчины, ведь вся тяжесть жизни лежала на женщинах, которые последний кусок отдавали детям. Моя мама со слезами на глазах вспоминала, как отец сумел что-то обменять и купить хлеб (тогда это было непросто) и подал маме. Мама отломала кусочек мне, а я посмотрела на них и спросила: «А маме? А папе?» Никто меня не учил делиться и заботиться о других, этому учила жизнь.

После войны многие мужчины носили военную форму. Мой отец тоже носил галифе, гимнастерку, ремень и сапоги. Я гордилась отцом, таким высоким, стройным, красивым. Он прошел войну артиллеристом от начала до конца. В мирной жизни работал военным закройщиком, его приглашали в разные воинские части. Отца научил шить дядя, брат матери, а всем тонкостям пошивочного искусства он обучился в Москве, получив документ закройщика военной одежды. Мастер высокого класса, он мог одеть офицера по всем правилам устава на любую фигуру в повседневную и парадную одежду. Долгое время отец работал заведующим мастерской (ателье).

Первой своей семье отец платил алименты. Чтобы нам прожить (я от второго брака), родителям приходилось подрабатывать на дому пошивом и переши-

вом брюк. Папа кроил и шил, а мама помогала обметывать. За это, видимо, надо было платить налоги или что-то вроде того.

Стоимость пошива была маленькая, деньги шли исключительно на еду. Иногда люди расплачивались томатной пастой или еще какими-то продуктами. Мне запрещено было говорить о том, что отец подрабатывает, «а то папу посадят в тюрьму, и мы умрем от голода». К отцу приходили заказчики: отец измерял, раскраивал, примерял, договаривались о сроках готовности. Родителей уважали, не завидовали, видя бедность семьи. Знали, что они поделятся последним, никогда не возьмут чужого, никого не подведут и не предадут, помогут, чем смогут.

Наша семья жила (еще был брат) в одной комнате, поэтому все разговоры велись при мне, мужчины старались «при ребенке не выражаться». Конечно, говорили о прошедшей войне, о несправедливости, начальстве, политике, о насущных заботах и бедах.

В жизни перемешивается справедливое и несправедливое, радость и горе, белое и черное. Тогда такое было время, что могли несправедливо осудить и посадить в тюрьму. Люди боялись говорить об этом. Папин брат тоже сидел в тюрьме как враг народа. Кажется, 10 лет. Родители иногда посылали ему небольшие посылки с мылом, полотенцами, папиросами. Дядя Алексей в войну сражался в Италии, в армии Освобождения, куда попал, сбежав от немцев из плена. Спустя много лет он был реабилитирован и награжден военным орденом. С обидой на Сталина говорили тихо, с оглядкой и только с теми, в ком были очень уверены. Меня, ребенка, предупреждали:

– Боже избави. Не говори нико-

му, а то посадят или расстреляют. Поняла?

Поняла. Я молчала. Отец любил меня и доверял, он говорил:

– Ты у мяне вумница.

Мой отец был эмоциональным и талантливым рассказчиком, что ему досталось от его отца – моего дедушки Михаила Петровича Беляева. Дедушка был смелым, как говорили, «хлѣстким» человеком. В Первую мировую войну за геройство он получил Георгиевский крест. Когда дедушка рассказывал, обязательно вставал и показывал то, о чем рассказывал. Это позволяло зрительно представить себе ситуацию, о которой он говорил, пережить ее так, как он переживал. Он умел так рассказывать, что деревенские собирались дома, чтобы его послушать.

Так вот разговорная манера моего отца была точно такой же. Хотя он окончил четыре класса церковноприходской школы, рассказчик был, как говорят, от Бога. Он настолько точно показывал кого-нибудь, подмечая черты, присущие только этому человеку (манеру двигаться, говорить), что тот становился узнаваемым.

Великую Отечественную отец прошел с войсками через Смоленщину, Калугу, Подмоскovie, Кёнигсберг, Белоруссию, Польшу. Войну закончил в Германии. Воевал на 2-м Белорусском фронте под командованием Рокоссовского. В конце войны ему исполнилось 38 лет. Война закончилась, но постоянно жила в его воспоминаниях, в его снах. Так, до конца жизни, а прожил отец 90 лет, он кричал во сне от бомбежек, от рвущихся снарядов. Война ему снилась часто. Мы просыпались от страшного крика и стона. Мама его будила, а мне объясняла: «Папа больной, нервный, потому что прошел войну, контужен был. Это все не

просто, это не пройдет никогда».

Когда отец с войсками подошел к Москве, там накануне прошло знаменитое сражение, враг отступал. Шел 1942 год. Была зима. На дорогах валялись убитые лошади с вывалившимися внутренностями, разорванными частями тела, обломки орудий, обрывки одежды, обуви. Особые подразделения складывали убитых, замерзших людей наподобие полениц по несколько человек. Старались различать своих и чужих и отдельно складывать, чтобы потом увозить в отведенные для братских захоронений места. Отец говорил, что в этом сражении принимали участие отборные части: с советской стороны – сибиряки (они были одеты в полушубки и валенки), с немецкой – финские части в со-ответствующей экипировке.

Финны ему запомнились светлыми волосами. Как он говорил, «рыжие». Поговаривали, что немцы надеялись «чужими руками жар загрести» и расправиться с русскими руками союзников.

– Ребята рослые, красивые, много молодых, – вспоминал отец.

Те части, с которыми он шел, участвовали во взятии Кёнигсберга. Вспоминал об очень страшных боях, и лицо его становилось суровым и серьезным. Тогда казалось, никто не останется живым. Горело все, взрывалось, земля была и укрытием, и защитником, и могилой.

– Это был настоящий ад.

Люди вспоминали Бога, молились, у некоторых были рукописные молитвы. Много солдат с обеих сторон погибло в боях за город.

Я, будучи школьницей, спрашивала, было ли ему страшно на войне, боялся ли он? Он злился и говорил:

– Не боятся только дураки. Врут, что не страшно.

Надо было терпеть, выполнять задание, не поддаваться панике. Отец возмущался и ругался, когда я говорила, что теперь надо называть: город Калининград.

– Калининград... Я бы посмотрел на них тогда, умники х... Переименовывают. Сами пороха не нюхали, на животе не полозили по грязи и снегу и не ходили под пулями по болотам по задницу в воде. Хвастаются незнамо чем только те, кто и на фронте один день был или в тылу всю войну просидел.

Не уважал он мужиков, которые не были на фронте. Всю войну отец прошел пешком фронтовыми дорогами. Рассказывал, как солдаты засыпали прямо в колонне, падали на дорогу, поднимались и снова шли. Главное было не отставать и идти со всеми. Человек мог спать и идти. Разбитые дороги, весной и осенью грязь и вода, зимой снег, мороз. Надо было тащить технику, снаряды, не говоря об автомате, скатке, вещмешке. В любую минуту мог начаться артобстрел, закружиться самолеты.

Помню, прошло лет тридцать после войны. Пошли мы с отцом и мамой «подышать» к речке. Летний яркий день, даже крохотная травка цвела, птички пели. От реки шел свежий и влажный воздух. Отец говорит:

– Сейчас бы наши ребята легли вот здесь на берегу и стали бы пить. Хорошо. Укусная вода!

Отцу помнились летние реки после прошедших боев, мутные от крови, плывущих разлагающихся трупов. Война – это еще и отвратительный тошнотворный запах, к которому нельзя привыкнуть.

В 60-е годы в школах страны проходили патриотические ме-

роприятия, приглашались участники войны. Они рассказывали о себе, о сражениях, в которых участвовали. Говорили о женщинах-санитарках, которые с поля боя вынесли большое количество раненых солдат. По радио шли передачи, где иногда называлось количество убитых одним человеком гитлеровцев. Мне тоже хоте-

Г.П. Киццов и Т.М. Беляев на фронте, г. Калуга, 1942 г.

лось похвастаться в школе героизмом своего отца:

– Пап, а сколько ты немцев убил на войне?

– Ты дурь какую-то спрашиваешь. Глупая еще, маленькая, потом поймешь... Может, сто или тысячу, а может, и ни одного. Кто это считать будет, когда, может, через минуту тебя не станет? Это только снайперы, если останутся живы, скажут. Это же не

игра. Нашли чем хвастаться, разные твари. Когда ты у пулемета, кто может сказать? Считали! Каждый хочет жить. У всех матка с батюшкой есть, дети, хата. Не по-божески это – убивать. Война на то и есть, чтобы все были живы и счастливы.

Он рассказал мне случай, который остался у него в памяти, да потом и у меня, на всю жизнь. Их часть продвигалась по территории Германии, были уже недалеко от Берлина. Все понимали, что приближается конец войне, что осталось немного. Конечно, устали, измучились, за четыре года потеряли родных, близких, товарищей. Вдруг видят, навстречу движется процессия. Присмотрелись: немецкие женщины с детьми. Маленьких держали на руках, а побольше – сами шли возле матерей. Передние несли белую тряпку. Понятно было, что они безоружные, показывают, что сдаются, просят пощадить их. Никаких фашистов нигде не было.

Люди шли и смотрели на солдат. Вопрос был в том, как поступить и что с ними делать. В тот момент, когда они приблизились довольно близко, один офицер с нашей стороны выскочил вперед и скомандовал: «Огонь!» Женщины старались прикрывать своих детей. Плач, страх, ненависть, смерть – все смешалось в одну страшную картину. Автоматной очередью он, этот офицер, косил всех подряд и не успокоился, пока всех не полужил. Отец говорил, что у солдат было желание пристрелить этого гада, показавшего свою власть над беззащитными людьми. Он помнил его фамилию, не мог ему простить этого поступка до конца своей жизни. Человек должен ос-

таваться человеком до конца, считал отец.

Война – грязное и страшное время. На фронте могло быть всякое. Были батальоны, как сейчас назвали бы, смертников, назывались они штрафбатами. Кто туда попадал, живым не оставался. Они первыми бились с врагом и понимали, что идут на верную смерть. Шли солдаты на смерть за Родину. К политработникам рядовые солдаты относились с опаской и недоверием, некоторых откровенно не любили. Попадались военачальники, которые пытались «спрятаться за спины солдат», и, чтобы не раскрылась их трусость и подлость, отправляли «очень умных» в штрафбаты.

Своего командира отец уважал, он так и остался для него авторитетным и порядочным человеком. Тот попал на фронт из института. В его подчинении были люди разного возраста, образования, воспитания. Почти все были люди гражданские, не привыкшие к военной дисциплине. Бывали моменты, когда молодой командир, добиваясь выполнения приказа, говорил:

– Вы сколько классов окончили? А я учился четырнадцать лет, и вы будете мне подчи-

няться. Отставить разговоры! Слушать мою команду!

Но именно строгой дисциплиной он спасал солдат, за что многие благодарны ему, что остались живы. Отец знал, где после войны жил его командир, рвался навестить его, да все денег и времени не было. Наконец лет через пятнадцать собрался и поехал. Через несколько дней вернулся, сходил за бутылкой и со слезами рассказывал, как нашел семью командира, но самого его в живых уже не застал.

Жизнь и смерть на войне постоянно были рядом. Шел бой. Отец в окопе у пулемета держит оборону. Вдруг прибежал солдат и сказал, что Беляева вызвал командир, а он пока за него тут побудет. Отец вылез из окопа и побежал к командиру в блиндаж. Через несколько минут вернулся, а на месте окопа – воронка.

После войны фронтовики убрали свои награды и носили только орденские планки. Орденские планки на пиджаке носил и мой отец. А ордена лежали в коробочке, каждый завернутый в чистую тряпочку. Перед 9 Мая он доставал их, протирал, раскладывал и рассказывал, за что и когда их получил. Особую гордость отец испытывал, когда брал в руки орден Славы. Такой

является высшим орденом рядового состава, в годы войны его давали за особые заслуги. Отец был награжден еще орденом Отечественной войны, медалями. Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» он гордился больше всего. На ее передней стороне выбит барельеф Сталина, а вокруг слова: «Наше дело правое, мы победили».

Отца нельзя назвать счастливым, жизнь его не баловала. Много несправедливости, бед, нужды он испытал. Работал до пенсии и, получив пенсию 57 рублей, вынужден был работать дома почти до 80 лет, а когда в архивах нашлись его документы, то пенсию пересчитали и назначили военную. Как он говорил: «За войну». Только после этого он перестал работать. Он радовался, когда его приглашали в военкомат, дарили подарки, награждали юбилейными медалями, успел получить медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Он считал, что ему повезло, потому что Бог дал ему прожить такую большую жизнь, самому увидеть мир, который он, по его выражению, завоевал.

□

Татьяна Тарасовна СТЕПАНОВА

родилась в Белоруссии.

Детство прошло в средней полосе России.

В 1970 году окончила историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

*Начала работать в издательстве «Карелия»,
затем в редакционно-издательском отделе ПетрГУ, в РИО Госкомиздата.*

*С 1989 года – в Институте повышения квалификации
работников образования.*

В журнале «Север» публикуется впервые.

